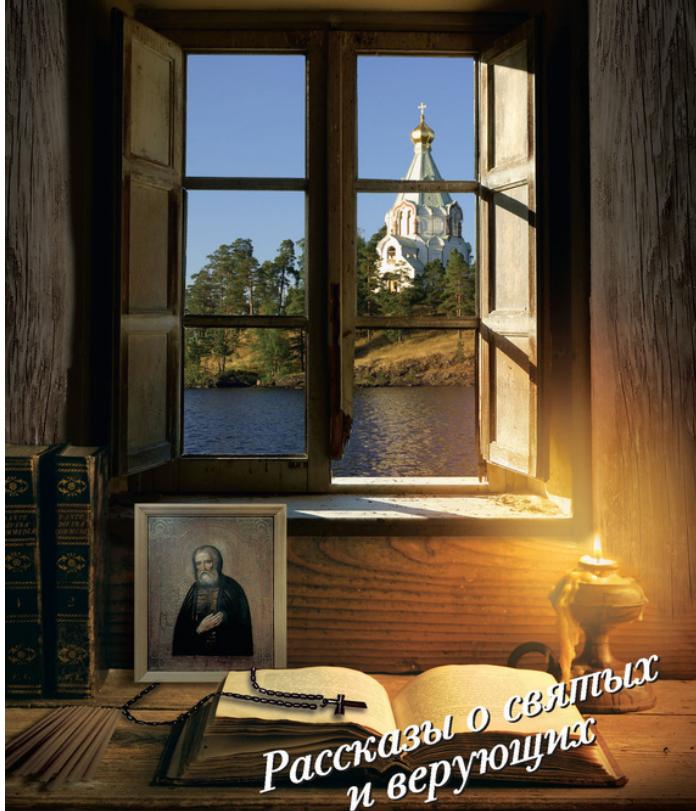

Ольга Иженякова
**ВЕЛИКАЯ
СИЛА МОЛИТВЫ**

Ольга Петровна Иженякова
Великая сила молитвы

Серия «Рассказы о святых и верующих»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8645370

Великая сила молитвы / Ольга Иженякова.: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-084967-3

Аннотация

В книге «Великая сила молитвы» собраны истории людей, которые приходили к Богу, каждый своим неповторимым путем. В ярком современном мире, полном земных и маловажных вещей и событий, бывает сложно не сойти с узкой тропинки светлой веры, которая лишь по прошествии времени покажется широкой.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	6
На пути к Святой Руси	6
Голуби	18
Язык войны	23
Святитель Николай	29
Бездна для девочки	32
Колесо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Иженякова

Великая сила молитвы

Вместо предисловия

«Веруйте в свет, да будете сынами света».
(Ин. 12:36)

Как-то в Оптиной пустыни после вечернего правила, когда уже прозвенел колокольчик ко сну, мы с послушницами шепотом стали делиться, кто и зачем приехал в монастырь. Одна поблагодарить Бога за удачно проведенную операцию, в превосходный результат которой, оказывается, не верили даже врачи, но стоило искренне попросить в молитве, дать обет, и вот – здорова. Вторая за советом к духовному отцу – стоит ли менять место работы? Она – единственный кормилец в семье, вопрос неспроста. Третья, что отдохнуть и набраться сил, делится: «После жизни в монастыре я чувствую себя как младенец». Соскучилась настолько по Оптиной пустыни, что, когда в переполненной маршрутке рядом зазвонил мобильник пасхальным звоном, тут же решила – надо ехать. Четвертой нужно принять жизненно важное решение. В их городе четыре шахты, местами началось проседание грунта, многие жители, у которых есть родственники

в других местах, давно уехали. Власти советуют сохранять спокойствие. Что делать?

Любому верующему понятно, совета и помощи нужно просить только у Бога. Того, кто дал нам жизнь. Он даст и силы, и средства к ее спасению. В свете веры свои законы, постигая их, открываешь удивительный и чистый мир любви и счастья, побед и поражений, подлинный смысл которых обычно становится понятным позже. Ты чувствуешь в себе силу Божией благодати и на опыте познаешь – Богу возможно все.

Однажды мне довелось трудиться в монастырской теплице. Бережно снимая с кустов тяжелые помидоры, я предположила, сколько «химии» в них вложено, на что монах мне терпеливо перечислил молитвы, которые читают при посадке, поливе, прополке... всегда. Из-за такой «подкормки» овощи отличаются неповторимым, давно забытым вкусом, привычным, наверное, для Адама и Евы. Соприкоснувшись с атмосферой духовной жизни, на законы естествознания смотришь по-другому и понимаешь древнюю истину – если в жизни на первом месте Бог, то все остальное на своих местах.

В этой книге я собрала истории людей, которые, как и я, приходили к Богу путем проб и ошибок, на своем опыте постигая слова Евангелия.

Часть первая

«Твой есмь аз, спаси мя».
(Пс. 118:94)

На пути к Святой Руси

Той весной пасхальное поздравление от старца Илия опоздало. Стояло обычное весеннее воскресенье, мы с сыном причастились, приехали домой, попили чаю, и непоседа тут же умчался на улицу с мячом под мышкой. Спустя какое-то время мы с домашними тоже вышли во двор, как раз облетал цвет яблони, и хотелось дышать новым временем года. Я, проходя мимо почтового ящика, машинально сунула руку в поисках корреспонденции, и, нащупав тоненький конверт, тут же, не разглядывая, положила его в карман. Внизу, сидя на скамейке посреди торжествующей весны, меня ждали. Соседка, подслеповатая пенсионерка баба Аня ни один рассказ без меня не начинала. А как она умела рассказывать! В ее речах библейские персонажи оживали, совершали эпохальные поступки, пересказывали друг другу сны и видения. Говорила и про свою молодость, которую, по ее выражению, «прошла снохой в чужом доме». Помнила она, как церковь в их селе затапливали, бойкие комсомольцы специ-

ально плотину в нужном месте открыли, а вода ринулась совсем в другую сторону – колхозных полей, в церквушку с заколоченными окнами не хотела течь. Не знали разрушители, что когда храм освящается, Господь посылает ангела-хранителя, который находится при нем непрестанно, без разницы, есть стены или нет. Вот если бы духовными очами взглянуть на Русь и посчитать, сколько монастырей, церквей и часовен разрушено, а ангелы их охраняют денно и ночью, и за все, за каждый кирпичик, попросить прощения у Боженьки. Тогда, по словам бабы Ани, Господь бы послал такую благодать, что «одним махом возродилась бы русская деревня, люди бы вспахали заброшенные пашни, и наше государство расцвело бы в радости и изобилии, как при царе». Заслушаешься.

На этой благостной ноте я боковым зрением замечая, как откуда-то из-за гаражей двое пацанов выносят моего сына. Первая мысль – это игра, мало ли странных игр у нынешних школьников. Впрочем, в пору моего детства и юности тоже, случалось, дурили. Смотрю внимательно на мальчиков, нет, на игру не похоже, лица предельно серьезны и сосредоточены, даже грустные. А сын, судя по закрытым глазам, стонет от боли.

– Что стоите? Вызывайте «Скорую» быстро! Он весь поломан!

Когда нас везли по городу с мигалкой, я не могла молиться, сил не было. Страх и ужас вырвались только в одно: «Почему?»

А потом, поникшая, я сидела под дверями операционной и вдруг позвонили мама издалека и двоюродный брат. Какая-то невидимая сила сообщила им причину беспокойства, они тут же попросили позвать ребенка, я промямлила, что не могу, он спит...

– Спит? – удивленно переспросили через четыре тысячи километров. Во всех характеристиках сына есть такое слово «гипер-активный». Родные, заподозрив неладное, еще несколько раз поинтересовались, все ли в порядке. Я повторила: все. Не хотелось говорить о постигшем несчастье. Оно выглядело неестественным. Врачи, мигалки, каталки – они из другой жизни, не нашей, а у нас: цветущие яблони, скамейка, усыпанная лепестками...

Правды я тогда не знала, а она оказалась такой: сломаны обе ноги, серьезно повреждена лодыжка и порваны все (!) связки. Часа четыре врачи возились, а после вывезли на каталке наполовину загипсованного человека с чужим выражением лица. Я пошла за медсестрой в палату, присела на краешек кровати, и снова стало сверлить навязчивое «Почему?» Судя по тому, что со мной медики говорить не хотели, дела плохи. В коридоре я спросила у главного хирурга, успела задать один-единственный вопрос: «Сын ходить будет?»

– Возможно, – ответил он и зашел в ординаторскую.

Я погладила гипсовые бугорки, под которыми были колени, и тихо заплакала. Если бы мне сейчас предложили с сыном поменяться местами, я, не раздумывая, согласилась бы.

А бездвижная юность — это, ну, не знаю...

Сунув руку в карман в поисках носового платка, нашла там конверт с поздравлением, такие старец перед Рождеством и Пасхой ежегодно посылает всем духовным чадам. Батюшка Илий написал:

«Дорогая о Господе Ольга. Печать с кустодиею двадцать столетий желает неизменно хранить Гроб Господень, но не убережет самовластной силы Божества. Благодатный огонь накануне самой Пасхи каждый год свидетельствует, что было и есть Воскресение Христово. Пробивая толщу времен и тьму земной жизни, Воскресение Христово каждый год нам свидетельствует, что Христос Воскрес. В этом победа жизни открыла путь всякой плоти, совоскресив ее с собою.

Христос Воскрес и безнадежность смерти сокрушена. И сила смерти уже истощилась, и звучит благовест о воскресении и о жизни, он звучит праздничным победным звоном колоколов, пробуждая охладевшие души к жизни.

Дорогие возлюбленные, утвердим в сердцах пасхальный зов Воскресения, чтобы обильнее и дружней воскресала наша Святая Русь к вере и благочестию, чтобы победить власть лжи, греха, тьмы».

Я посмотрела на часы, по прогнозам врачей, сын должен был еще полтора-два часа спать; чтобы куда-то себя деть, я тихо выскользнула из палаты и направилась в храм.

В церкви, где утром поздравляли нас с причастием, в обед отказывались верить в постигшее несчастье. Служащие со-

брались вокруг меня и предлагали помощь, кто-то инвалидное кресло, кто-то сорокоуст о здравии, а одна бабушка, услышав наш разговор, вспомнила, что у нас есть святой, которому молятся «персонально» при болезнях ног. Меня тогда очень смутило это «персонально», но водосвятный молебен Симеону Верхотурскому тут же заказала и отстояла, как положено. Благо подоспевший священник, узнав о беде, согласился отслужить его без промедления.

А потом водой с молебна брызгала гипс на ногах и плакала, про себя молилась Симеону, Николаю Чудотворцу и просто всем святым. Информацию о Верхотурском праведнике я нашла в Интернете, не будь этой Всемирной паутины, вряд ли бы я в полной мере открыла тогда для себя столь богоугодную личность. А пока – черно-белая икона на принтерной бумаге, закрепленная по углам кнопками, висела у изголовья больного и вселяла чувство радости. В самом деле, много ли мы знаем святых, которых бы изображали на фоне реки и леса? Мы тогда трактовали это так: «Значит, Симеон, вымолит у Бога здоровья для ног, чтобы ходить в лес по грибы-ягоды, купаться и ловить рыбу».

В общем, безоговорочно верилось в это.

Сейчас за давностью хронологии не припомню, но уже девятого мая сын маршировал в колонне с флагом, а в конце месяца возобновил игру в футбол и даже попросил купить новый мяч, а то «из этого уже вырос». Когда мы пришли сдавать костыли сестре-хозяйке, она, выслушав наш рассказ,

имя небесного заступника записала на коробке стирального порошка со словами: «Мне самой ой как надо».

Заинтересованная, я стала собирать сведения о дивном заступнике Божьем и выяснила вот что.

Архивные источники о Симеоне Верхотурском говорят так: «Году в 1620 от Рождества Христова, верстах в пятидесяти от Верхотурья – крепости на Государевой Бабиновской дороге, поставил Меркуша Федотов избу. За пять лет выросла из одной избы Меркушина в десятка полтора дворов.

В то время прибавился в поселении еще один житель, именем Симеон. Новый поселенец пашни под посев не готовил, лес на избу не рубил, работать на пристань не ходил. А вот в храме Божьем, что стоял на погосте, бывал повседневно и прилежно. Оказывал ближним чрезвычайное послушание и любовь. Жил он ловлей рыбы и шитьем шуб для крестьян и всегда старался «питать других от трудов своих».

Был Симеон знатного рода, в грамоте горазд, но с раннего возраста почувствовал отвращение от житейских благ и тревожений, начал стремиться к богомыслию и душеполезным подвигам.

Праведный Симеон преставился в тридцать с небольшим лет и был погребен у церкви Архистратига Михаила. Недолгая жизнь Симеона послужила примером для благочестивых христиан. А через пятьдесят лет после смерти праведника в 1692 году его гроб стал «восходить от земли», а останки были обнаружены нетленными. Рядом забил родник. К нему

потянулись паломники, и началась череда исцелений. Особенно благоволил Симеон к страждущим болезнями ног, почти все они получали исцеление. Вскоре его мощи торжественным ходом были перенесены из села Меркушино в Верхотурье, где покоятся и ныне. И приезжают сюда люди из самых отдаленных уголков России.

В качестве примера приведу один из откликов.

Москвич Виктор:

«В 1993 году осенью во время беседы с жителем Екатеринбурга Александром, когда он стал рассказывать о верхотурском монастыре и о мощах праведного Симеона, я, будучи неверующим и некрещенным, посмеялся в душе над его рассказом и практически сразу же забыл о происшедшем. Но не забывает Господь, промышляя о нас и устраивая все полезное к нашему спасению. На следующий 1994 год милостью Божией Петровским постом я принял таинство Святого Крещения, а 24 сентября у меня заболело левое колено. Я не придавал этому значения, подумав, что это растяжение, с которым был знаком по занятиям спортом, применил обычный курс лечения. Но мои усилия оказались тщетными: колено горело внутри огнем, который то немного затихал, то усиливался.

В ноябре я познакомился с заштатным батюшкой Иоанном Гордеевым, полвека простоявшим у престола и в конце восьмидесятых годов принявшим монашеский постриг в честь праведного Симеона Верхотурского. Батюшка просто

подошел ко мне в храме и сказал, что я должен ему помогать. Впоследствии он сам удивлялся этому обстоятельству, так как всегда был осторожен с незнакомыми людьми. И вот с декабря я стал жить и келейничать у отца Симеона.

Приближалась весна, и однажды батюшка мне сказал: «Я очень почитаю святого праведного Симеона, а я уже старый, и мне нужно поехать приложиться к мощам, ты поедешь меня сопровождать». «Там, может, и нога твоя пройдет», – добавил он. Деньги на поездку у меня были, и я тут же согласился. В то время я уже узнал, что этому святому молятся при болезнях ног, но житие его мне не попадалось, а батюшка только обещал поискать у себя книжку. И вот в канун нашего отъезда на территорию храма, в котором я работал сторожем, кто-то из распространителей бросил пачку свежей «Православной газеты». Принеся ее в сторожку, я принялся читать, и каково же было мое удивление, когда на развороте увидел большую статью о святом праведном Симеоне с житием и описанием различных чудес, о Верхотурье. К сожалению, эта газета не сохранилась. На следующий день мы выехали в Верхотурье. Надо сказать, что я уже верил в Бога, но к чудесам относился с недоверием, считая, что это достояние давно минувших дней, и поэтому специально о своем выздоровлении не молился. И вот Всемилостивый Господь представил случай утвердить меня в Своей Правде по слову Своему, дабы был я не неверен, но верен.

После непродолжительного отдыха в монастырской келье

в десятом часу, уже в сопровождении иеродиакона, мы направились в храм к мощам святого праведного Симеона. Братия в этот день находилась на сельхозработах, и службы в монастыре не было. Войдя в храм северной дверью, я испытал чувство, которое невозможно описать. Что испытал бы человек, если бы его из современной городской суеты в мгновение перенесли на лазурный юг и окунули бы в нежнейшие воды августовского моря? И это были бы ощущения гораздо более тусклые, потому что я оказался в Раю. Солнце как будто играло в храме, а в воздухе чувствовалось присутствие ангелов. Но хотя ум мой дивился, сердце оставалось глухо.

Тем временем мы подошли к раке праведника, мощи были открыты, и мы стали прикладываться к ним. И вот когда очередь дошла до меня, я прикоснулся губами к Честной Главе и почувствовал в этот момент движение в колене, как будто мой сустав повернули и поставили на место. Я подивился этому и опять остался глух.

Началось пение акафиста, после которого мы еще раз приложились к мощам и вышли из храма.

Оставив своего старца погреться на солнце возле дома отца наместника, я отпросился осмотреть территорию монастыря. И, обходя вокруг Крестовоздвиженского собора, вдруг поймал себя на том, что нога моя не болит! Нет, боль не утихла, как бывало раньше, а просто исчезла. Чудо стало очевидным, но сердце... О, это окаменелое нечувствие!

В тот же день мы уехали из монастыря и два дня пробыли в Перми у батюшкиных знакомых. И вот перед отъездом у меня опять заболела нога. Я был разочарован – конец чудесам. Перед Москвой, когда вещи уже были сложены, я лежал на верхней полке в ожидании прибытия поезда и размышлял обо всем происшедшем. И вдруг вспомнил тот давний разговор, когда я по своему неверию посмеялся над праведником. В тот же момент нога моя перестала болеть. Наконец-то я уразумел милосердие Божие, которое «каждому грешнику хочет спастись и в разум истины прийти». И как стыдно мне было за мое неверие, за неблагодарность! Я сразу же дал обет, что съезжу еще раз в Верхотурье, чтобы поблагодарить святого праведного Симеона за исцеление, что и исполнил вскоре.

Дивен Бог во святых своих, долготерпелив и многомилостив!»

Прочитав столь удивительные слова, через год после быстрого и абсолютного выздоровления поехали и мы с сыном в Верхотурье – в Свято-Николаевский мужской монастырь. В величественном храме, где почивают мощи праведника, был отслужен Благодарственный молебен Спасителю.

А мы после богослужения напросились на послушание. Нас определили в трапезную чистить рыбу. Глядя на чаны с большой, величиной с руку взрослого человека горбушу, меня охватил страх – а справимся ли?

– Справитесь, справитесь, – вздохнул молодой повар Ни-

колай. — Батюшка Симеон здесь всем помогает, — и добавил — Часа за три успеете.

В это поверить трудно, но мы действительно управились, и когда к назначенному сроку Николай пришел смотреть нашу работу, цокнул языком и пожурил, что ж вы, мол, скрывали, профессионально ведь владеете мастерством, вон как лихо разрубили, обстругали, не каждый заправский кок на корабле так сможет!

В ответ я пролепетала, что вообще-то первый раз в жизни чистила рыбу, а про сына и речи нету — он еще школьник, который тут же виновато добавил:

— Не умею я чистить рыбу, совсем...

Мне кажется, повар так и не поверил в наше дилетантство. Но впереди был еще один сюрприз. Симеон Верхотурский, как я теперь понимаю, прозревая будущее, решил нас избавить от страсти, склонности к которой тогда не было, но, собственно, и отвращения тоже, а это верный признак возможного приятия.

Гостеприимный монастырь мы решили покидать вечером, поезд у нас был под утро, а транспорта, который бы довез нас в темное время суток от святой обители до вокзала, не было. Справедливости ради надо заметить, там и днем не так просто добраться. Ночь мы решили коротать в зале ожидания. На небе высыпали звезды, пахло черемухой и совсем не хотелось отправляться в обратный путь. Но стоило расположиться на лавках и задремать, как внезапно ударил мороз.

Холод стал пробирать до самого основания. Окошко кассира оказалось закрыто, света нет, и вдруг обнаружилось, что мы в зале одни...

Теплые вещи, взятые с собой, не спасали. Батареи холодные, отопительный сезон закончен, если он в Верхотурье в принципе был... Пытка холодом стала невыносимой. Мы растирали руки, прыгали, приседали. Толку – ноль. А мороз между тем крепчал. «Чем спастись? Как отвлечь сына?» – стучало в висках. Вдруг взгляд упал на соседнюю скамейку, а там посередине стоит непочатая бутылка пива. Интересно, а пиво согревает? С этими мыслями я достала ключи от квартиры и принялась откупоривать находку. Отхлебнув пару глотков, облегчения я, конечно же, не почувствовала, но от холода отвлеклась, тут же подумалось, а что если предложить сыну, в мальчишеской компании он наверняка баловался пивком, и не раз. Увы, нынешние родители далеко не за всем могут уследить. Несколько неуверенно я протянула бутылку, Коля сделал пару глотков, поморщился, выплюнул. Про мороз мы как будто забыли. Наш поезд пришел в свой час, причем на вокзале, кроме нас, не было ни души, мы сели и благополучно уехали.

А спустя какое-то время оказалось, мы пива на дух не переносим. Даже запаха. Так нам открылась бездна Господних щедрот по молитвам Симеона Верхотурского.

Голуби

Провожали Серегу в армию всем поселком. Участковый лично под ручку вел до катера, на котором новобранцев отвезли в окружной военкомат, хотя сам в это время был в отпуске и вроде не при делах. Но надо знать Серегу, чтобы понять, за что ему выпала такая честь.

С детства рос без отца, отчим появился недавно и в воспитательном процессе не только не участвовал, но и всячески избегал его. И надо заметить, не без оснований. Каждая школьная и поселковая дискотека обязательно заканчивалась дракой с участием пасынка, он же в свою очередь остаток буйной ночи обычно проводил в местном отделении милиции, а поскольку его мать там много лет трудилась уборщицей, то, чтобы сыну легче тяготы казенного дома переносить, приволокла из дома старенький матрас. Уже стало традицией, в клуб или школьный спортзал накануне мероприятия приходили два милиционера, которые терпеливо дожидались окончания культурных мероприятий и, соответственно, начала драки, после чего скручивали руки зачинщику, надевая на него тесные старые наручники с еле заметной ржавчиной, и вели в отделение...

Утром составляли протокол, выписывали штраф, вручали квитанцию с цифрами для перечисления денег, строго наказывали: после оплаты занести в участок копию – статистика

не должна страдать, отпускали восвояси.

Повестку из военкомата с Серегиной фамилией в маленьком таежном поселке приняли как подарок судьбы. Даже мама облегченно вздохнула, хотя, конечно же, не хотелось ей отпускать единственного сына непонятно куда, но что поделаешь? *Dura lex, sed lex*, что означает: суров закон, но это закон. Проводы были шумными, а чтобы призывник не буянил, фельдшер под видом какой-то сверхнужной прививки ввел ему двойную дозу успокоительного. Благостная физиономия новобранца выглядела настолько необычно, что фотографировались с ним все гости по многу раз, безусловно, для хвастовства, вот, мол, я первостатейному хулигану рога показываю – и ничего.

По прибытии в часть призывник тут же показал свой характер, за что его быстренько отправили на гауптвахту. Потом еще два раза, пока новобранец не попривык к армейским законам. Суровое мужское воспитание в итоге принесло свои плоды, ко времени присяги Серега сделался чуть ли не образцовым солдатом, он стал регулярно слать добрые письма матери, но она в перемену сына не верила, считала, старшие заставляют переписывать с каких-то образцов. В самом деле, где это видано, чтобы ее пацан мог сказать: «Дорогая мамочка». Она много раз пыталась соотнести эту фразу с Серегой и никак не получалось, не хватало фантазии, чтобы представить такое. Вот, например: «Привет, мать!» или «Дай пожрать» или «Здрасьте, старушка»... для подтверждения

своих подозрений она показала письма соседке, та согласилась: заставляют писать, и от себя добавила: это правильно, по крайней мере, хоть почерк у парня выправится, а то сплошные каракули, как у непутевого врача.

Армейская жизнь стала солдату нравиться, к тому же выяснилось, что у него одного в части есть водительские права, а это ох как много значит. Поставили водителем. И когда служивый облегченно вздохнул, вообразив себя через пару месяцев личным шофером командира, пришел приказ: их подразделение командировать в Чеченскую Республику, как огласил комдив: «Для восстановления конституционного порядка». Ну и от себя прибавил пару, как принято говорить, нецензурных выражений. Но не по поводу особенного случая, нет, просто он всегда изъяснялся так. Да и времена были суровые. Шел 1994 год.

А дальше слово главному герою:

– Как только мы прибыли на место расположения части, меня сразу поставили на «ЗиЛ», машина, судя по боковым вмятинам, уже прошла «обкатку». Но я человек подневольный, возникать не стал, что дали, то и хорошо. Надо было два раза в день, утром и вечером, возить солдат из части на КПП и обратно, ну еще ездить при всяких непредвиденных случаях типа за продуктами на базу, а один раз даже за боеприпасами. Обычная служба. Там до нас была мясорубка и после, а когда мы там оказались, как раз наступила тишина. Понятно, все расслабились.

Утром я, значит, как обычно, везу смену, прилично уже так отъехал, а в глаза будто кто соли насыпал, не выспался, до двух ночи резались в карты, веки сами слипаются, массирую кулаком, толку ноль. Потер в очередной раз веки и застыл, остановился, даже двигатель выключил. В лобовое стекло невесть откуда стали биться голуби. Много белых голубей. Облепили всю лобовуху. Я открыл дверцу, вышел, чтобы прогнать, глянь, а их нету. Думаю, все, спятил.

Выругался, полез в кабину, и уже ногу занес, когда боковым зрением заметил железяку под передним колесом, развернулся, мама родная, а это мина. И так классно зарытая, что и незаметно с дороги. Я сразу обмяк весь. Вспомнил мать, дом. Родню свою. Когда мама меня провожала, все пыталась крестик повесить на шею, мол, он сбережет тебя, я отмахнулся, куда мне? До первой драки? Тогда она исхитрилась и сунула мне маленькую иконку в пластиковой упаковке, бери, говорит, носи где-нибудь в потайном кармане. Там Сергей Радонежский изображен. Я тогда ухмыльнулся – тезка. А она так серьезно – покровитель. Твой небесный защитник. Ну я чтобы ее не расстраивать, взял. А тут достал, поцеловал, посмотрел вокруг, как раз рассвет занимался, обычный будний день, и так что-то меня прошибло, даже молитву вспомнил, ну и от себя сказал: «Господи, спасибо тебе. Я обязательно что-нибудь хорошее сделаю, раз ты меня ни за что ни про что сберег». Солнечно так стало, но долго любоваться рассветом не дали, солдаты из кузова стали спры-

гивать, разборки толкать, ты что это самовольный перерыв устраиваешь, мы еще полчаса назад должны были заступить на смену. Я показываю на мину. Они застыли... ну а дальше неинтересно, саперы приехали, все аккуратно вытащили, мне какую-то благодарность выписали. Через две недели нас вернули обратно в Нижний Тагил, где я и дослуживал, там мне аппендицит удалили и много чего произошло.

После дембеля Сергей, как имеющий льготу, поступил в университет и выучился на юриста. Работал судебным приставом, потом в милиции. Сейчас – частный предприниматель, женат, вместе с женой воспитывает троих или четверых детей, по совету духовника помогает заключенным из близлежащей исправительной колонии...

Язык войны

В церковь Гришу привела мама, когда ему, студенту третьего курса исторического факультета, пришла повестка в военкомат. Покрестился, причастился, как сам говорит, в экстренном порядке. Перед медкомиссией хотел было крестик снять, непривычный все-таки атрибут того времени, но сказали: «Не стоит».

О том, что служить ему придется в Афганистане, узнал на таджикской границе. Новобранцы-сибиряки вышли из самолета и увидели непривычный их глазу пейзаж – пустынные пески, людей в халатах, как им показалось, банных, и с полотенцами на голове, вдалеке пасущихся животных, похожих на оленей, позже узнали – ослы...

Привыкнуть к климату не успели, четыре дня им дано было на то, чтобы пройти спецподготовку, после чего их экипировали и направили в «горячую точку».

– Кандагар, – вспоминает он, – очень красивый город, основанный во времена Александра Македонского, там удивительные природа и климат, когда бродил по окрестностям, казалось, попал в библейские времена и одежда людей очень похожа на ту, которую описывают историки. Все время не покидало ощущение, что вот-вот встречу Иоанна Предтечу, и даже непривычно ежился от мысли, что не знаю языка и ничего не смогу ему сказать...

Но очарование дивным краем прошло после первого же боя.

– Когда мы устроились на привал после длительного перехода, на нас напала группа или, как их там, банда бородастых мужиков. Я даже не понял, кто они и откуда и почему им непременно надо нас убить. У одного был такой взгляд, как будто на меня смотрела сама преисподняя. В глазах – лютая ненависть, до сих пор в холод бросает, когда вспомню... В общем, потери мы понесли приличные, причем, что странно, погибли наиболее подготовленные ребята, те, кто занимался карате, борьбой, прыгали с парашютом, а «ботаники», как я, остались целыми и почти невредимыми. Меня после этого боя долго тошнило и хотелось помыться. Не так, как в армии – общий душ, а грезилась баня. Но Афганистан и баня понятия несовместимые.

Уже после, в процессе службы, я стал узнавать, что это за страна такая и люди. И от этих знаний стало мне, откровенно говоря, не по себе. По менталитету, развитию основное население застряло в Средневековье. Многие верят в черную магию, носят с собой амулеты вроде зубов кобры, как стихи, шепчут заклинания.

Считается, если придешь в гости к местным, то они обязаны тебя принять, накормить-напоить. Хотя какая там еда – чай да лепешки. Улыбаются, все хорошо, а как уйдешь, могут догнать и убить. Дома – ни-ни, а за порогом можно. Вот это «нож в спину», что так противно нашему человеку,

у них считается едва ли не нормой. А может, и правилом, кто их там знает. И такая двойственность во всем. Помню, в каком-то городке был праздник и плов раздавали прямо на улице. Всем подряд. Ну пошли наши солдатики, я остался в части, брезглив я от природы, уж лучше буду голодным сидеть, чем питаться вот так, ну а есть ребята попроще. Люди как люди. Я их не осуждаю. Каждому свое. Пришли они на площадь, им в пиалы положили из другого котла, при этом раздающие так широко улыбались, ешьте, мол, праздник у нас. Они взяли, но не пришлось им по вкусу, хотя солдатские желудки, известное дело, даже гвозди перемалывают, а тут что-то не то. Один товарищ пересыпал плов в газетку и принес в часть, а мы как раз базировались в здании госпиталя, где много техники всякой, микроскопы, колбы, мензурки... стали рассматривать внимательно «плов», а это рис с мелко покрошенным кирпичом. Вот оно восточное гостеприимство.

На войне как войне. Мечта одна – вернуться домой живым. А тут меня назначили старшим разведгруппы после того, как предыдущая – вся – не вернулась с задания. Я не то чтобы трус, но просто мне впервые в жизни по-человечески захотелось жить. Причем жить у себя дома. Плен хуже смерти. И тут стал я думать о Боге, молитвы, конечно, никакой не знал. Все мои богословские познания ограничивались двумя словами на нательном крестике – спаси и сохрани. Это главное. И я стал от себя молиться, так честно, как

просят дети. Накатила на меня какая-то волна, сначала стало все безразлично, но я снова вернулся к теме смерти, не хотелось родителей огорчать, а больше всего бабушку. Она у меня мировая! Заслуженный донор, между прочим. Это сколько жизней спасла, получается. Ну я так по-наглому, по-другому просто не умел тогда, думаю про себя: «Господи, уж прости, но хотелось бы, чтобы вся моя группа выжила». Конкретно так по именам прошелся. Просил я, чтобы Бог научил меня, как вести себя в тех условиях. Бывало и такое: разведчики все сделают, возвращаются обратно и на mine подорвутся или гюрза сразу двух угробит. Страшное дело – война, особенно когда не знаешь ничего о той местности, где воюешь.

И тут я пошел к костру, где «деды» курили, сам-то я некурящий и даже дыма не переносю, но... ноги сами привели к тем, кто послезавтра должен вернуться в Союз, домой. Разговорились. Они меня, как мальчика непутевого, давай учить. Поскольку народ в Афгане в большинстве случаев неграмотный, а про телефоны в то время даже речи не могло быть, то используется у них язык огня и камней. Например, если посветил ночью огонь факела и резко погас – пришел неожиданный гость, если два, то два, если больше семи – много. Идешь по дороге – смотри внимательно на камни, если три камня на дороге вдоль рядышком – опасность от людей, могут быть мины. Три камня поперек – дорога неожиданно может прерваться, обвал, камнепад. Весь вечер я как губка впитывал

эти знания. Ребята рассказывали, как на опыте познали этот язык, по одной и той же дороге могут сновать местные танкетки туда-сюда – и ничего, а как поедет грузовик с солдатами – взорвется. Целая наука.

На следующий день пошел я на задание и нашел камни и вдоль, и поперек. Сделал зарисовки, потом передал в штаб, когда вернулся.

И такая во мне буря поднялась. Вот это что получается – Господь услышал меня и показал, как выжить. Стал я мечтать хоть какую-нибудь молитву выучить, у меня же воспитание стопроцентно советское, даже дома, когда про себя мурлыкал что-нибудь в ванной, получалось: «Взвейтесь кострами синие ночи»...

В этот же вечер увидел на сослуживце какой-то странный пояс, он носил его под тельняшкой и старательно так прятал, я пошутил, никак, мол, пояс верности, а он, стесняясь, ответил, что специальная молитва на нем написана, которая от всех бед хранит. Попросил посмотреть, а это девчачий псалом. Я тут же его переписал и выучил, слова прямо про нас, золотые: «Наступиши и попериши льва и змия». Стал я читать псалом перед заданием, и все гладко, как говорится, ни льва, ни змия, хотя до этого какой только живности не встречалось, видели и трехногую гиену, и варана с выколоченными глазами – земля войны не умеет щадить людские чувства.

Ну вот вернулся живой. Вы меня сейчас спросите, в ка-

кую церковь я стал ходить, когда пришел из армии? Отвечу честно, ни в какую. Вернулся в университет, доучился, в аспирантуру не пошел. Мечтал деньги зарабатывать. Жизнь потрепала, одно время хотел карьеру сделать в областной администрации, и сначала все пошло как по маслу. А потом губернатор сменился, и меня как члена старой команды уволили. Причем быстренько так. Долго ходил безработным, всех виноватил в своих бедах. Постепенно жизнь наладилась, сейчас жена, две дочки, внучка скоро будет, работаю начальником снабжения в нефтяной компании...

Святитель Николай

Накануне Нового года у пенсионерки сгорел дом. Взрыв бытового газа не пощадил и надворные постройки. В считанные минуты они вспыхнули как спички. Пламя уничтожило все: документы, вещи, деньги, взятые в кредит на лечение.

В тот день она не плакала, нет. Не могла. Знакомые удивлялись: как хватило сил это пережить? Любой другой на ее месте давно бы с ума сошел от горя, а Галина закрылась у соседей в доме, куда те пустили на пару недель пожить, и попросила всех оставить ее. «Мне надо подумать», – сказала она. Дочери звонили по нескольку раз на дню: «Мам, может, надо чего?» «Нет, спасибо, мне нужно побыть одной», – был ответ.

А подумать было о чем. Меньше чем за пять лет столько несчастий. Муж из-за тромбоза потерял обе ноги и умер. Трагически погибла четырнадцатилетняя внучка Яночка. Родился внук со сросшимися пальчиками на руках. А у другой внучки вдруг резко ослабло зрение. Пожар стал последней каплей.

И пойти с бедой некуда. Дочери и зятя тянут из последних сил: детям нужны дорогостоящие операции, и откладывать их нельзя. Других родственников в городе нет, они с мужем приехали из Украины в семидесятые по комсомольской путевке. До пенсии работала кассиром. Обратилась в родной

профком, ей выделили деньги на одежду. Потому что в злополучную минуту выскочила из горящего дома в чем была.

Надо было что-то делать. Написала заявление в мэрию, но там его «потеряли». А потом и не принимали больше от нее бумаг, говорили: «Мэр находится под следствием, поймите». Но время шло, мэр сел в тюрьму, на его место пришел другой, а Галину все равно отфутболивали под другими предлогами.

Та же судьба постигла и ее просьбу о помощи, оставленную в штабе известной политической партии. Погорелице прилюдно обещали, что «в самое ближайшее время будут приняты меры». Однако помощи она не дождалась. По телефону ей отвечали сначала терпеливо, а потом стали бросать трубку на полупфразе.

И тогда несчастная снова закрылась в доме, печку решила не топить – незачем, взяла веревку покрепче – телосложения она немало – и полезла на чердак. В голове пусто, решение давно созрело.

– А ну, куда? – появившийся невесть откуда старик быстро схватил веревку, а ее оттолкнул.

Она упала, но не больно, посмотрела на босые ноги. Подумалось, вроде неудобно так, надо бы носки надеть. Поднялась и пошла на кухню искать. Вернулась, а никого нет... дверь заперта изнутри. Посмотрела на чердачную лестницу, там паутина. Но что за старик? Откуда? Вернулась на кухню, случайно бросила взгляд на хозяйскую икону и застыла. Он!

Не могло быть сомнений. Упала на колени и долго плакала. А потом сутки спала как убитая, не слышала даже, как зятя дверь выламывали, потому что на звонки не отвечала. Те посмотрели, жива, вроде здорова, и успокоились. Проснувшись, она еще раз покаялась перед иконой Николая Чудотворца и дала обещание не делать глупостей.

Вместе с дочерьями взяли три новых кредита и начали строить дом. Нанятые рабочие залили фундамент, поставили сруб и даже покрыли крышу. В свободное время вяжет носки и продает. Она верит, что построит дом. Хотя надеяться ей, кроме Бога, не на кого. А Он нам прибежище и сила...

Бездна для девочки

Мы лежали с ней в больнице. Две Оли. Фамилии наши были схожи, в смысле – труднопроизносимые. Одинаковые прически и цвет волос, и даже детство оказалось во многом схожим, я рассказала ей о своей подруге, а она о своей, вот тут мы разошлись. Эта история настолько потрясла меня, что я решила ее записать.

– В детстве ее звали Снегурочкой. И не только за молочный цвет волос, к которым, понятное дело, подбиралась одежда нежнейших цветов, но и за ангельский характер. Юлька могла часами играть в песочнице, сохраняя при этом стерильный вид. Она никогда не ломала кукол, не любила страшных сказок, и еще Юля никогда не устраивала истерик.

Здесь моя собеседница делает паузу и, многозначительно посмотрев на меня, продолжает:

– Мои родители, глядя на нее, вздыхали: «Кому-то дети – в подарок, а кому-то – в наказание...» Дело в том, что мы с Юлькой были не только соседками, но и сверстницами. И это сравнение было не в мою пользу. Помню, как-то у мамы были срочные дела, и она попросила Юлькину бабушку за мной присмотреть. А на улице стояла моя любимая погода – последождевая. Я, надев резиновые сапоги, пошла измерять лужи. Первые три, как сейчас помню, были мне до колен, вровень с сапогами, а четвертая оказалась глубокой, и вода

наилася в сапоги. Я в таком виде пришла домой. О, что творилось с Юлькиной бабушкой! Ее словно парализовало! Она стояла передо мной минуты две или три не в силах издать ни звука. А вечером маме за чаем рассказывала: «Я пятьдесят восемь лет живу. У меня две дочери и трое внуков. Всякое видела. Но такого мокрого и грязного ребенка, как пришла Оля с прогулки...»

Потом наши семьи разъехались, но моя мама с Юлькиной переписывалась. Юлькина мама жаловалась моей, что ее дочь растет замкнутой и стеснительной, что у нее только одна подруга, каждую ссору с которой она тяжело переживает. Моя же мама писала, что друзей у меня около двух десятков, что я редко бываю дома, а мои любимые игрушки – сабля и пистолет.

Перед школой, когда мне уже купили форму и портфель, пришло сообщение: Юлька ослепла.

По правде говоря, трудно было представить, что глаза цвета майского неба, обрамленные пушистыми ресницами, ничего не видят. «Мам, – спросила как-то я. – А Юлька солнце видит?» В ответ мама категорично покачала головой. Время шло, а вместе с ним безвозвратно уходило детство. Первые дискотеки. «Любит – не любит»... Временами я думала о Юлке, и мне было ее нестерпимо жаль...

Конечно, я знала из письма, что Юля очень хорошо читает по Брайлю, что она прекрасно играет на рояле. И даже на каком-то большом концерте выступала. Но ведь музыка, пусть

даже написанная самыми великими композиторами мира, не может заменить того, что дает нам зрение!

Как-то ее мама послала нам фотографию. На ней повзрослевшая Юля (еще красивей, чем в детстве) сидит за роялем и смотрит куда-то вдаль... Помню, я долго плакала, глядя на нее. Конечно, мама Юли обращалась к медицинским светилам, гадалкам, знахаркам, прорицателям, даже к шаману в надежде вернуть зрение дочери, но каждый такой порыв обходился дорого в финансовом плане и очень тяжело – в моральном, потому что становилось хуже. Никто из них не смог помочь.

Вконец отчаявшись, Юлькина мама решила пожить с дочерью в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре, известном многими чудесными исцелениями. С тех пор переписка прекратилась, и о том, как сложилась судьба подруги детства, я сведений не имела. Прошло ни много ни мало семь лет!

...Накануне Дня Победы город убрали особенно тщательно. Как-никак круглая дата. Я иду по улице и вдруг... Мамочка дорогая! Юлька собственной персоной. Без тросточки, как я ее представляла, и даже без очков. А может, это не она? «Юля!» – кричу на всю улицу. Девушка поворачивается. Сомнений быть не может. Она самая. И вот мы стоим вдвоем, обнявшись, среди потока вечно спешащих людей. Для нас время остановилось. В этот миг были только мы и Солнце, что в самом-самом зените. Прямо над нами!

В кафе мы пришли, взявшись за руки, как маленькие первоклашки, и там я услышала удивительную историю. Прожив два года в монастыре, Юля не только вернула стопроцентное зрение, но и нашла много друзей, научилась читать на церковнославянском. Полноценно жить...

Колесо

Читать «Отче наш» перед каждым занятием, каждой строчкой, в которой сомневаешься, говорил мне человек, который буквально за руку привел меня на филологический факультет – Константин Яковлевич Лагунов, сибирский писатель-легенда. Он посмотрел мои заметки – а я в то время получала другое образование и в газете пока подрабатывала, – сказал, вот это твое. Так редко в наши дни человек находит свое дело. «Оля, поздравляю, ты нашла себя». Это было, как мне тогда казалось, неуместно, у меня хорошо шла высшая математика, я «дружила» с формулами химии и физики. Но по его совету я все же сходила в Знаменский кафедральный собор и у иконы «Знамение» попросила, если это моя судьба, пусть Богородица мне поможет поступить, куда советует умудренный жизнью писатель. По сути, я не рисковала ничем, документы с предыдущего вуза забирать не собиралась, у меня к тому времени было еще и среднее специальное образование, эти-то «корочки» я и отнесла в приемную комиссию за день до окончания приема документов. Готовиться к вступительным экзаменам у меня попросту не было времени, а в назначенный день еще и не выпалась, под окном загорелся гараж, и его почти всю ночь тушили. Но – о диво дивное – мне выпал билет по Замятину, считавшийся провальным для всех, но не для меня – любимый писа-

тель! Плюс там были задания по русскому языку, которые за давностью уж и не припомню. Вижу даже сейчас через призму лет лица женщин-экзаменаторов, они обещали, что если хоть что-нибудь по теме скажу, «троечку» мне «натянут». Я сердечно поблагодарила. В итоге моя «пятерка» в том году по русскому языку и литературе устно была единственной в абитуриентском потоке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.